

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.		Стр.
✓ Засѣданіе первое (22-го декабря 1867 года).....	1—3	✓ Крест. С. А. Дударева, сельскіе обичаи въ нѣ- которыхъ мѣстностяхъ Суражскаго уѣзда Чернигов- ской губерніи.....	71—76
✓ Ст. Верховича, описаніе быта Болгаръ населя- ющихъ Македонію.....	3—18	✓ Засѣданіе девятое (1 ноября 1873 года).....	76—77
✓ Н. Г. Керцелли, о появленіи ламаизма въ Забай- кальи и о вліаніи его на бытовую жизнь Бурята- кочевника.....	18—21	Е. В. Барсова, обзоръ этнографическихъ дан- ныхъ, помѣщенныхъ въ разныхъ Губернскихъ Вѣдо- мостяхъ за 1873 годъ.....	77—83
✓ Засѣданіе второе (20 апрѣля 1868 года).....	21—26	✓ Н. Г. Керцелли, объ историческомъ значеніи праздника въ честь бурхана Майдори, совершаемаго Бурятами.....	84—87
✓ Объ этнографическихъ трудахъ московскаго митро- полита Иннокентія.....	26—29	✓ Е. В. Барсова, сѣверныя сказанія о лембохъ и удѣльничихъ.....	87—9
✓ Лос. Калоусека, обзоръ этнографической лите- ратуры о Чехахъ и Словакахъ.....	30—40	✓ Засѣданіе десятое (29 января 1874 года).....	91—93
✓ Засѣданіе третье (12 октября 1868 года).....	40—41	Е. В. Барсова, замѣтка изъ этнографіи сѣверна- го края.....	93—95
✓ Свящ. А. Примѣрова, одежда каменно-брод- скихъ Русскихъ и Мордвиновъ Пензенской губерніи.....	42—44	✓ Засѣданіе одиннадцатое (19 марта 1874 года)....	95—100
✓ А. К. Антонюкова, Домашній бытъ маріуполь- скихъ Грековъ.....	44—47	✓ Е. П. Добрянкиной, обичай хороненія Ко- строми въ Муромскомъ уѣздѣ.....	100—104
✓ Дополненіе къ обзору этнографической литературы о Чехахъ и Словакахъ.....	47—48	✓ Н. А. Покровскаго, изъ исторіи народнаго двоевѣрія.....	105—108
✓ Засѣданіе четвертое (27 марта 1869 года).....	48—55	✓ Засѣданіе двѣнадцатое (23 апрѣля 1874 года)....	108—110
✓ Засѣданіе пятое (9 октября 1869 года).....	55—62	✓ Е. В. Барсова, Юрьевъ день.....	110—114
✓ Засѣданіе шестое (12 октября 1870 года).....	63	Квашнина-Самарина, о кладомскателяхъ и кладахъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ.....	114—118
✓ Е. А. Попова, замѣтки о свадебныхъ пѣсняхъ и обрѣдахъ въ Вологодской губерніи.....	64—68		
✓ Засѣданіе седьмое (4 октября 1871 года).....	68		
✓ Н. Г. Керцелли, нѣсколько словъ о мезенскихъ Самойдахъ.....	69—71		

и примѣчаніями, а также статья Ф. Я. Трейланда: «о латышской народной поэзіи» и 6 хромофотографическихъ рисунковъ, изображающихъ нѣкоторыя изъ группъ Дашковского этнографическаго музея. Определено: принести благодарность г. издателю и Ф. Я. Трейланду.

3) Предсѣдатель предложилъ Отдѣлу имѣть въ виду для III-го тома «Трудовъ» его давно уже одобренное Отдѣломъ сочиненіе К. А. Попова «О Зырянѣхъ и зырянскомъ краѣ», а также дальнѣйшіе матеріалы для этнографическаго изученія латышскаго племени, собранные Ф. Я. Трейландомъ. Кромѣ того предсѣдатель предложилъ не отлагать далѣе печатаніе протоколовъ прежнихъ засѣданій Отдѣла, включая въ оныя и статьи, въ этихъ засѣданіяхъ прочитанныя. Определено: немедленно приступить къ печатанію протоколовъ; относительно же печатанія 3-го тома «Трудовъ» Отдѣла снестись съ совѣтомъ Общества.

4) Предсѣдатель сообщалъ Отдѣлу письмо С. П. Микуцкаго къ почетному члену Общества В. А. Дашкову о необходимости составленія и изданія словарей Мордовско-русскаго и Черемисско-русскаго. Определено: а) признать полезнымъ и нужнымъ составленіе и напечатаніе означенныхъ словарей, хотя Отдѣлъ и не выполнѣ раздѣляетъ взглядъ г. Микуцкаго на чудскія племена, и б) просить В. А. Дашкова войти въ сношеніе съ г. Микуцкимъ о способахъ къ приведенію въ исполненіе этого предложенія, или же отнестись въ Казанское братство св. Гурія съ просьбою о рекомендаціи ему лицъ, способныхъ взяться за такое дѣло.

5) Секретарь Отдѣла Е. В. Барсовъ прочиталъ: «Обзоръ этнографическихъ данныхъ, помѣщенныхъ

въ разныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за текущій годъ.»

6) Непр. чл. О. Н. Г. Керцели прочелъ статью: «Объ историческомъ значеніи праздника въ честь Бурхана Майдори, совершаемаго бурятами». При семъ предложень былъ рисунокъ, изображающій самое торжество.

7) Секретарь отдѣла Е. В. Барсовъ прочелъ свою статью: «Сѣверныя сказанія о лембояхъ и удѣльникахъ».

Определено: статьи, упомянутыя въ параграфахъ 5, 6 и 7, напечатать въ видѣ приложений къ протоколу засѣданія.

8) Предсѣдатель предложилъ въ непремѣнные члены Общества: профессора Московскаго университета Э. И. Буслаева и доцента Московской Духовной академіи В. О. Ключевскаго; секретарь Отдѣла предложилъ въ члены оного и въ сотрудники Общества Н. А. Покровскаго и г. Квашнина-Самарина. Определено: войти съ представленіемъ о непремѣнныхъ членахъ въ совѣтъ Общества, г. же Покровскаго и Квашнина-Самарина признать членами Отдѣла.

9) Секретарь Отдѣла высказалъ мысль, что для усиленія дѣйствій Отдѣла необходимо было бы пригласить къ участию въ его трудахъ наиболѣе замѣательныхъ сотрудниковъ Губернскихъ Статистическихъ комитетовъ и Губернскихъ вѣдомостей. Определено: предоставить предсѣдателю и секретарю Отдѣла войти въ сношеніе съ лицами, занимающимися этнографіей и, по поступленіи отъ нихъ какихъ либо статей или матеріаловъ, признавать ихъ членами Отдѣла, т. е. сотрудниками Общества.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

І. ОБЗОРЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ ДАННЫХЪ, ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ РАЗНЫХЪ ГУБЕРНСКИХЪ ВѢДОМОСТЯХЪ ЗА 1873 ГОДЪ.

Не много новыхъ данныхъ принесъ настоящій годъ для исторіи народнаго міросозерпанія и суевѣрія. Въ Олоонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ мы встрѣчаемъ молитву преподобному Сисинію о 12 сестрахъ Иродовыхъ (№ 76), заклинательную молитву священномученика Кипріяна (№ 78) и заговоръ отъ порѣза (№ 75). Матеріалы не новыя, но тѣмъ не менѣе не лишены нѣкотораго значенія въ научномъ отношеніи. Въ молитвѣ Сисинію дочери Ирода называютъ себя нѣсколько иными именами, чѣмъ въ другихъ

подобныхъ спискахъ. Такъ 8-я Унея здѣсь величаетъ себя *Пухмисей*: «начнетъ подымать и шатать и тотъ человекъ въ онуху бываетъ»; 10-я *Коркота* «и та ручныя и ножныя жилы сорываетъ»; 11-я *Голодея*: «кого возьму, тотъ человекъ съ ума выступаетъ, ошалѣетъ»; 12-я *Невеля* болѣе всѣхъ страшная, океанная и пролѣтая, сильная и крѣпкая. Встрѣтились съ ними Ангелы Господни у чернаго моря и узнавъ что онѣ дочери Ирода царя, дали имъ океаннымъ по 1,300 раемъ и сказали: «не приходите къ роду христіанъ: ко-

му, а нанпаче къ сему рабу Божью (имярекъ) и рабѣ Божьей (имярекъ) «и паки даша имъ Ангелы Господни по три тысячи в по тридесати ранъ всякой окаянной».

Заклинательная молитва Кипріяна—есть произведение какого-нибудь вѣдуна, который, обратившись въ христіанство, рѣшился дѣйствовать, именемъ его, ко благу людей противъ всевозможной порчи и языческаго волшебства. «Господи Боже сильный и держай вся! Ты вѣси, яко вся чародѣйства *дѣла*хъ и всп лукави бѣси *мнѣ* работухъ; связываю и проклиная вся духи лукавыя вочн злыхъ человекъ и сусѣдъ ближнихъ и дальнихъ и *вся чародѣйства* отъ раба Божія (имярекъ)». Далѣе изчисляются всѣ виды, въ которыхъ проявлялось чародѣйство. «И еще молюся, рабу своему (имярекъ) и въ домъ той, въ немъ же лежить святая сія молитва, да разрѣшено будетъ: или на пути, или на распутии, или въ рѣцѣ, или во источницѣ, или въ кладезѣ да разрѣшится; или въ кровли, или въ дверѣхъ, или во оконцы, или въ верхнемъ порозѣ, или въ тинѣ, или во основѣ да разрѣшится, или во придворѣ, или во дворцѣ, или въ ходѣ, или во неходѣ, или въ дерну—стѣнѣ или на полѣ, или въ горахъ и пещерахъ и пропастьхъ земныхъ да разрѣшится; или во брезѣ или въ стремнинѣ, или въ роѣ или въ древѣ, или въ листѣ или въ корени или вѣтви да разрѣшено будетъ; или на полѣ въ нивахъ, или во рвѣхъ, или въ ямахъ, или въ травѣ, или въ иницѣ, или въ банѣ, или въ капницѣ идольскомъ, или въ кожи змѣиной, или въ бровѣхъ или въ волосѣхъ браднихъ или во главномъ обрусѣ, или во обрѣзаніи когтѣхъ ручныхъ и ножныхъ, или въ кожныхъ обувеніяхъ, или въ златѣ и серебрѣ, или въ меди и свинцѣ, или въ оловѣ и железнѣ, или во лбѣ человеческомъ или въ крови звѣриной, или въ кожи рыбной или въ животныхъ четвероногихъ земныхъ или въ летающихъ по воздуху, движимыхъ же и недвижимыхъ, или въ хартіи, въ чернилѣ и нѣ въ которой вещи или отъ студа сотворенная да разрѣшится. Азъ разрѣшихъ и разрѣшаю, прогнахъ и прогоняю *Наталуса, Пуэзмаруса, Лукмилуре, Мирахананъ*. И еще прогоняю имена та: *Хія, Сисахія, Елизду, Идаилъ* отъ раба Божья (имярекъ) и отъ дому его, имущему молитву сію».

Заговоръ отъ порѣза — небольшой и носить на себѣ печать эпическаго, склада хотя и обращенъ ко Владычицѣ-Богородицѣ.

«Владычица прѣсвятая Богородица! Христа родила себя не вредила, не слышала ни скорби, ни великихъ ранъ. Такъ и у раба Божія (имярекъ) боль утиши, кровь останови, —

Въ ночь при мѣсяцѣ,
Въ день при солнцѣ,
При частыхъ звѣздахъ,
При буйныхъ вѣтрахъ».

Заговоръ для властей любопытенъ въ томъ отношеніи, что крестьянинъ подступаетъ ко власти въ сопровожденіи Георгія на конѣ и Михаила Архангела съ прашею... «Есть на семъ свѣтѣ *милъ день*, читается въ заговорѣ, и *въ оный день* начнутъ меня любить князи и бояра и судьи и вельможи. И есть на семъ свѣтѣ рѣка *Лукозарь* и на той Лукозари есть камень литарь, у того камня стоитъ древо плотно и не гниюще и около того древа вьется хмѣль накрѣнко, и такъ бы вился тотъ рабъ Божій (имярекъ) во мнѣ крѣпко ва крѣпко». Заговоръ этотъ сопровождается указомъ, какъ идти ко властямъ: ввать съ берега воды въ ставецъ, да учни говорить надъ водою платкомъ наврывая, да положить въ ту воду конѣйку, а какъ пойдешь ко власти да тою водою умойся, а ту конѣйку положи за щеку, да ты на власть заглядывая, на землю не плюй (№ 35).

Между крестьянами Зарѣчной стороны, Муромскаго уѣзда, Владимирской губерніи держится извѣстное повѣрье, что къ женщинамъ лишившимся мужа летаетъ огненный змѣй и обольщаетъ ихъ. Чтобы избавить несчастную отъ тоски и навожденія этого змія, захватываютъ ее въ какомъ нибудь уединенномъ мѣстѣ и бьютъ до тѣхъ поръ, пока покажется кровь (№ 35 Влад. Губ. Вѣд.). Въ Симбирскѣ въ подобныхъ случаяхъ выкаютъ въ порогъ и во всѣ щели избы траву *мордовинникъ* и читаютъ заклятье:

„Какъ мертвому изъ земли не вставать,
„Такъ и тебѣ ко мнѣ не летать.
„Утробы моей не распалати,
„А сердцу моему не тосковать.

«Заговоромъ я заговариваюсь, железнымъ замкомъ запираюсь, каменнымъ тыномъ ограживаюсь, водой ключевой прохлаждаюсь, пеленой Божьей Матери покрываюсь» (Ср. Великор. закл. Л. Майкова, стр. 161).

Изъ другихъ суевѣрныхъ обычаевъ обращаетъ на себя вниманіе у жителей Боевскаго поселка, въ 30 верстахъ отъ Воронежа, обычай погруженія пона въ воду. По окончаніи молебствія на полѣ молящіяся берутъ своего священника подъ руки и погружаютъ его во всемъ облаченіи въ рѣкѣ или озерѣ. По ихъ понятіямъ, чрезъ это Богъ пошлетъ дождь и намочитъ землю такъ, какъ они намочили священника. Впрочемъ молодые священники отказываются принимать подобныя ванны на вольномъ воздухѣ, что очень огорчаетъ стариковъ, которые относятъ плохіе урожаи послѣднихъ лѣтъ именно къ тому, что перестали купать священниковъ.

Среди множества святочныхъ извѣстныхъ уже гаданій въ Зарѣчной сторонѣ Муромскаго уѣзда держится между прочимъ «*опусканіе огня въ колодезь и измѣреніе амбара локтями*». Амбаръ мѣряютъ такъ: отъ низу амбара протягиваютъ руку вверхъ, на эту руку

кладутъ другую руку и т. д. приговаривая: ниже, выше, ниже, выше... У которой дѣвицы рука будетъ выше, та станетъ въ высокихъ хоромахъ жить; а у которой ниже, та въ бѣдной избушкѣ. Опусканіе огня въ колодезь происходитъ такимъ образомъ: зажигаютъ лучину, спускаютъ ее въ колодезь и смотрятъ, какъ она горитъ; если ярко горитъ, то женихъ будетъ богатый; если же вовсе не горитъ, то бѣдный.

Свадебные обряды, описанные отъ части въ газетѣ «Донъ» (№ 70) и отчасти во Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ не представляютъ ничего особеннаго отъ того, что уже извѣстно объ этомъ предметѣ. Стоитъ развѣ вспомнить здѣсь обычай *величанія жениха невестою* у крестьянъ Подольской волости. Когда невесту приводятъ въ баню,—она ложится на полокъ; подружки ея берутъ въ руки вѣники, мочалки и жгуты и начинаютъ бить невесту приговаривая: «величай жениха.» Невѣста, по принятому обычаю, не смотритъ на то, что ее бьютъ, нѣсколько времени отказывается называть жениха по имени и отчеству и называетъ когонибудь другаго и затѣмъ уже обращается къ *величанію своего суженаго*.

Этотъ обычай, очевидно, указываетъ на то время, когда невеста бралась захватомъ и въѣзною силою вынуждалось ея расположеніе къ чужому чужаину.

На нѣмъ и чисто свободныя, нравственныя отношенія невесты къ жениху указываетъ обычай сватовства—у Боевцевъ, Воронежской губерніи, хотя этотъ обычай совершается въ новѣйшей народной формѣ.

Въ Воронежской губерніи отецъ или родственникъ съ двумя или болѣе близкими, взявъ съ собою полуштофъ водки, идутъ въ избранное для сватовства мѣсто. Пришедши ставятъ на столъ водку и говорятъ: «будете ли пить водку или нѣтъ?» Тогда родители спрашиваютъ невесту: *пить водку или нѣтъ?* Если невеста скажетъ: «а мнѣ шожь, пейте», значитъ она согласна вытти замужъ за предлагаемаго жениха. Если же скажетъ: «ни, ни,—не пейте», то значитъ не нравится женихъ и она не согласна вытти за него. Въ послѣднемъ случаѣ принесшіе водку, взявъ назадъ со стола полуштофъ, отправляются въ другое мѣсто. При согласіи же невесты, распивая принесенную водку, начинаютъ толковать о приданомъ, которое берется не съ невесты, а съ жениха. Съ приближеніемъ времени къ свадьбѣ, будущіе свекровь и свекровка, взявъ съ собою невесту, отправляются въ Воронежъ, гдѣ по мѣстному выраженію, *откармливаютъ* ее разными лакомствами дня два или три, и за тѣмъ *откормленную* невесту доставляютъ въ домъ родителей. Невѣста, какъ и вездѣ до свадьбы причитаешь, во здѣсь для этого она всего чаще удаляется въ какое нибудь уединенное мѣсто, въ огородъ вербы, въ ригу и т. п.

Изстаринная борьба между родами изъ-за невесты здѣсь продолжаетъ бытовать въ той же формѣ, какъ и обычай сватовства. Въ день свадьбы передъ вѣнцемъ невесту изъ клѣти приводятъ въ взбу и садятъ рядомъ съ женихомъ; при этомъ гостей размѣщаютъ такъ, чтобы родные жениха сидѣли прямо противъ родни невесты. Съ той и другой стороны здѣсь начинается *споръ чье вино пить: невестино или женихово*. Обѣ стороны обыкновенно не уступаютъ другъ другу, и вотъ подается заранее приготовленное *положеніе*; за одинъ конецъ его берутся родные жениха, а за другой родные невесты и черезъ столъ начинается *перетяжка*; успѣхъ всегда остается на сторонѣ родныхъ жениха: невестина водка убирается, а женихову начинаютъ пить.

Обрядныя свадебныя пѣсни (записанныя впрочемъ въ одной подольской волости Владимірской губерніи) мало даютъ данныхъ, восходящихъ къ эпической эпохѣ.

Любопытно въ одной пѣснѣ изображеніе нравственнаго состоянія молодца, который задумалъ жениться. Онъ ходитъ не весело, гуляетъ нерадостно, повизалъ свою голову тафтою зеленою и увиалъ ее лентою лиловою. Мать это замѣтила и спрашиваетъ, — что съ нимъ случилось?

„Родимая матушка! отвѣчаетъ онъ.
Къ чему веселиться?
Всѣ мои товарищи,
Да всѣ пережились.
Одинъ у васъ, матушка,
Холостъ—не женать хому“.

Нѣкоторыя пѣсни прямо указываютъ на свободный выборъ жениха невестою:

Какъ у Ирини была матушка
И добра и ласковая;
Посылала она свою дочь
Изъ новыхъ сѣней во горницу и говорила:
„Выбирай-ко мое, дитятко,
Изъ чиновъ-то ты чиновника,
Изъ бояръ-то ты боярина,
Изъ приказныхъ-то приказнова,
Изъ купцовъ-то купчика,
Изъ хреслянь-то ты хреслянина.“

Дочь отвѣчаетъ:

Не нашла я лучше, матушка,
Лучше чину-то хреслянская
Лучше Федора Ивановича.

На такой же свободный выборъ суженаго указываетъ и другая пѣсня, въ которой подружки упрекаютъ невесту, зачѣмъ она *прельстилася* и выходитъ замужъ.

Ты злодѣй-злодѣй измѣнница,
Измѣнница красна дѣвица;
Говорила, што замужъ нейдю
Говорила: не подумаю.
А теперечи за мужъ идешь.

На чего ты такъ прельстилася?
 На орѣшки ль, на пряники,
 На изюмъ ли—сладки ягоди?
 На какова ты прельстилася?
 На дурнова, не хорошава,
 На сутулава, горбатаго,
 На нбсастава, глазастова.
 На горбу-то птицы гнѣзда вьютъ,
 На носу-то грибы выросли,
 И на саму-то горьку пьяницу.

Подобное же нравственное отношеніе сказывается
 въ одной пѣснѣ и жениха къ невѣстѣ.

Ты не плачь, не плачь Иринушка,
 Ты не плачь да свѣтъ Ивановна!
 .....
 Я солью тебѣ чашу золоту,
 Чашу золоту съ офинистами;
 Ужъ и буду я соловьемъ въ саду
 Ужъ и буду я утѣшать тебя

Изъ пѣсенъ свадебныхъ укорительныхъ—обращаютъ
 на себя вниманіе—пѣсни къ *свахи* и *свату*.

У насъ сваха-то прядлива,
 Въ часъ по ниточкѣ водила.
 Что денекъ то простенекъ,
 А въ недѣлю навитокъ;
 Что годокъ то мотокъ,
 Мутувильдо съ локотокъ.
 У насъ сваха рукодѣльна,
 И поставила кросна
 Имъ девятая весна;
 На коклюшкахъ, на подножкахъ
 Трава выросла;
 На просѣсти-то насѣдка
 Цилиль вискѣдла,
 Семьдесятъ молодокъ
 Девяносто кочетовъ.

Къ свату:

Ужъ какъ свату-то своднику,
 Лихорадка ему съ хворостью;
 На печи лежать подъ шубою,
 Умереть ему безъ ладона,
 Схоронить его безъ савана,
 Положить его поверхъ земли;
 Кто ни пойдетъ, запинается.
 Всякъ надъ сватомъ надругается..

Указанія на нѣкоторые похоронные обычаи встрѣ-
 чаются во Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ
 (№ 35). Лишь только начнется съ умирающимъ пред-
 смертная агонія, сейчасъ же тащатъ его съ печи подъ
 образа; затепливаютъ свѣчу и ждутъ, когда кончится
 «жоробрси», такъ называется здѣсь послѣднее пред-
 смертное хрипѣніе. Чтобы покойникъ или, какъ его
 называютъ здѣсь, родитель еще кого-нибудь не вы-
 глядывалъ, глаза его скорѣе закрываютъ мѣдными день-
 гами, избу, гдѣ онъ лежитъ, не метутъ до выносу: «если,
 говорятъ, тотъ покой выместитъ, всѣхъ изъ дому вы-
 мести»; по выносѣ же тотчасъ полъ подмываютъ вли,

какъ говорить, *вымываютъ смерть изъ избы*. Если кто
 изъ сосѣдей провожалъ покойника до могилы, тотъ,
 возвращаясь назадъ, непременно долженъ зайти въ
 избу, гдѣ лежалъ покойникъ, и погрѣть руки у печи,
 чтобы не занести домой смерти. Если у покойника
 нѣтъ родныхъ, которые могли бы оплакать его, то
 Боевцы Воронежской губерніи въ складчину нанима-
 ютъ плакальщицъ, большею частью за *полуштохъ водки*,
 которыя, идя за гробомъ, голосають, пересчитывая
 хорошія черты изъ жизни умершаго (Донъ № 70).

Обратимъ далѣе вниманіе на нѣкоторыя явленія
 народнаго обычнаго права.

Въ Муромскомъ уѣздѣ—Владимірской губерніи, лѣтъ
 5 тому назадъ, существовалъ слѣдующій юридическій
 обычай. Женщинъ, заставшихъ младенцевъ, посылали
 въ церковь на стояніе. Придя съ женщиной въ цер-
 ковь, попъ ставилъ ее по срединѣ, очерчивалъ око-
 ло нея кругъ и не приказывалъ ей оглядываться на-
 задъ, а все молиться Богу. Сдѣлавъ это, онъ ухо-
 дилъ, замыкалъ церковь и оставлялъ женщину на
 единѣ. Можно себѣ представить положеніе здѣсь напу-
 ганной и суевѣрной крестьянки! Выдержавшія такой
 искусъ много страстей рассказывали потомъ своимъ со-
 сѣдамъ (Владимір. Губ. Вѣд. № 35).

Инаго рода мѣры принимались на Дону, въ Казан-
 ской станицѣ къ искорененію преступленій. Кромѣ тя-
 гилевки—или станичной тюрьмы здѣсь были въ ходу
 гоньба по улицѣ, такъ называемый *маирчъ* и *обдира-
 ніе*. Гоньбою по улицѣ наказывали за воровство и
 прелюбодѣніе. Ворахъ связывали руки и все ими
 украденное навязывали имъ на шею; прелюбодѣвѣ же
 связывалъ рука съ рукою и въ такомъ видѣ водили
 по улицамъ, били, увѣчили и при этомъ стучали
 въ заслонки, кадушки и т. п. *Маирчъ* или покупка
 вина всему собравшемуся обществу назначался всего
 чаще. Если же виновный самъ не соглашался на это,
 то общество обдирало его, т. е. насильно снимали съ
 него платье, шапку, сапоги и закладывали кабатчику
 или продавали тутъ же съ аукціона желающимъ изъ
 присутствующихъ. При искахъ и тяжбахъ, какъ въ
 прежнее время, такъ и теперь бываютъ случаи, что
 судъ рѣшаетъ *грѣхъ пополамъ*, т. е. опредѣляетъ пла-
 тить отвѣтчику только половину той суммы, которая
 съ него ищется (Донскія Области. Вѣд. № 40). Этотъ
 обычай существуетъ и въ Сибири у Яхтышскихъ ка-
 зяковъ (Тобол. Губ. Вѣд. 1859 г. № 45). Та же особен-
 ность упоминается еще въ эпическихъ пѣсняхъ. Такъ
 Ильчъ Муромецъ говоритъ своему крестному отцу:

„Батюшка крестный Самсонъ Самойловичъ!

„Покажи ты половину грѣха на меня!

(Рыбн. III, стр. 110).

Изъ судебныхъ доказательствъ обычнаго права об-
 ращается на себя вниманіе *цѣлованіе преступникомъ*

дула у заряженнаго ружья со взведенным курком». Если преступник неизвестен, то въ наказаніе ему ставятъ обидящую свѣчу: это обыкновенная свѣча, только ставится она коломъ вверхъ; въ этомъ случаѣ, говорятъ, загорится совѣсть у преступника. Для подобнаго же наказанія вора, лоскутокъ украденной вещи (если только сохранился) относятъ въ кузницу и кладутъ въ мѣхъ: тотъ, кто укралъ, говорятъ, станетъ пухнуть, раздувать его будетъ подобно мѣху, не проживетъ году, непременно умретъ.

То же самое случится, если часть украденнаго бросить подъ жерновъ мельницы.

На самоубійство народъ смотритъ, какъ на наводженіе нечистой силы. Стоитъ только задумать наложить на себя руки,—нечистые не дадутъ отстать отъ этой мысли: они будутъ ходить всюду и постоянно побуждать на преступленіе. Стоитъ надѣть на шею петлю,—в они тотчасъ навѣшаются со всѣхъ сторонъ въ видѣ кошекъ, собакъ, зайцевъ и уже не выпустятъ изъ нея.

Дѣтей, по народному выраженію, *запдаютъ* еще въ утробѣ матери. Обыкновенно дѣлаютъ для этого настой на водкѣ изъ какихъ-то кореньевъ. Но чаще употребляютъ *ртуть*. Ее растираютъ на рукѣ и лижутъ языкомъ. Отъ этого прежде всего разстраивается пищевареніе, появляется слюнотеченіе, нагноеніе глазъ, а затѣмъ извергается и плодъ. Пьютъ также сулему на водкѣ или водѣ. При этомъ пускаютъ въ ходъ и суевѣрные средства. Моютъ рубаху, снятую во время менструацій, и воду, въ которой моютъ, *относятъ на рѣку* съ разными приговорами, или же наливаютъ эту воду въ какую нибудь посуду и *зарывають въ землю*, или *варятъ на ней кашу и пьютъ*, или *мѣсятъ на ней глину и обмазываютъ ею печку изнутри*, или наконецъ *льютъ ее въ баню на каменку*. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ,—говорятъ,—на каменкѣ или въ печкѣ слышится крикъ дѣтей.

Въ нѣкоторыхъ губернскихъ вѣдомостяхъ встрѣчаются еще любопытныя свѣдѣнія о жизни и бытѣ раскольниковъ. Таковы напр. данныя о Феодосѣевцахъ мѣстечка Городецъ, Новгородской губерніи. Эти раскольники, по замѣчанію Новгородскихъ губернскихъ вѣдомостей тщательно наблюдаютъ, чтобы *уши у святыхъ* на иконахъ изображаемы были *лественно*; иначе молитвы, приносимыя предъ ними, не будутъ услышаны. Иные изъ нихъ не кланяются иконамъ, на коихъ изображены *какія нибудь безсловесныя животныя*. Вѣрують, что молитва, приносимая *замаранными руками*, не дойдетъ до неба. На моленіяхъ мужчины снимаютъ съ себя кушаки, чтобы, какъ они говорятъ, кадильный дымъ безпрепятственно преходилъ въ нозуху и благодать, въ немъ состоящая, могла бы свободнѣе проникать въ сердце. Наставникъ кадитъ предъ каждымъ молящимся и говоритъ: «Духъ

Святый и сила Вышняго осыпнѣтъ тѣя». Предстоящій хватаетъ руками дымъ кадильный и шепчетъ: «и *наставитъ мя на землю праву*».

Старообрядцы г. Черкасъ, Кіевской губерніи, приводятъ слѣдующее мнимое пророчество противъ курительнаго табаку:

И настанутъ вѣки
И народятся челоуки
Во мѣсто кадына,
Будутъ употреблять табачное куріло,
И моляся Богу,
Станутъ оттокиривать все погу.

Нюхать табакъ, по ихъ понятію, еще омерзительнѣе, нежели курить. По этому поводу разсказываютъ слѣдующее преданіе. Іуда Искаріотскій, ростившій и продававшій табакъ нюхательный, продавалъ его лептою дешевле, чѣмъ курительный съ тою именно цѣлю, дабы уступкою осквернить и погубить больше народа.

Псалмы, которыя поются раскольниками за рукодѣлемъ, не лишены характера народнаго творчества и отчасти знакомятъ съ основнымъ внутреннимъ настроеніемъ раскола. Въ Новгородскихъ Вѣдомостяхъ приведены три подобныхъ пѣсни.

Псалма о ключѣ церковномъ.

Идетъ старецъ по пустынь
И самъ слезно плачетъ.
Понадеетъ на встрѣчу самъ Господь:
— Што ты старецъ плачешь?
«Какъ мнѣ Господи не плакать;
«Со младихъ лѣтъ постригся я,
«Одолѣли худы мысли и дѣла;
«Потерялъ я ключъ церковный.
— Старецъ! въ пустыню возвратися,
— Съ усердіемъ Богу ты молися.
— У снлаго моря становися.
— Сине море всколыхаеъ,
— Рыба ключъ тебѣ взрыгаеъ,
— На крутой бережокъ,
— На желтой песокъ,
— На траву зелену.

Кто эту псалму уснихаетъ
И тропъ въ день пропѣваеъ,
Тотъ будетъ рабъ спасенъ,
Грѣхи его убавятся, забудутъ.

Псалма о пустыни.

Господи! построй пустыню
Не въ пути, въ дорогѣ,
Въ шокрѣ—болотѣ,
Такъ молился старецъ въ кельѣ,
Горячо и слезно плакалъ.
Народился заѣръ нечистый.

Вы раби—рабини!
Можете—живите,
А не можете—бѣгите
Въ горы и пещеры.
Заметайтесь метлами,
Засыпайтесь песками!

Любопытно совершенно эническое изображеніе чаемаго ложа Авраамова.

„А и пройду я отъ сего житія,
„А и возмуть ангелы, архангелы
„Мою душевну на воскресіяхъ
„И принесутъ ко Авраамію.
„У Авраамія хранина свѣтлая.
„Отче нашъ за столомъ сидѣть,
„Матерь Божья подъ окошечкомъ
„Пророцы, мученицы, праведницы по лавочкамъ.
„Самъ Авраамій на ложѣ возлежитъ,
„Иисусъ Христосъ въ головахъ сидѣть,
„Ангелы, Архангелы, Херувимы и Серафимы
„Всюду и обоуду.
И глаголетъ Авраамій ми грѣшному:
— Приди чадо ко мнѣ Авраамію
— Добръ житіе провождалъ еси;
— Мѣсто значно ти уготовано:
— Самъ я Авраамій лодинуся
— И тебя возложу за собою
— На ложе мое на значное

Наконецъ намъ остается коснуться инородческаго населенія.

Въ Олонейскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ — въ статьѣ «Корель, его бытъ и занятія» (№ 7) между прочимъ говорится, что Лодейно-Польскій уѣздъ у корельскихъ крестьянъ называется «Русью». *Корелю на свѣтъ природа не терпитъ.* Этой поговоркой выражается то, что русская колонизація, идущая по берегамъ озеръ и рѣкъ, оттиснула кореловъ или на бесплодный горный кряжъ, или же въ дикіе новѣнецкіе мхи и болота. Въ характерѣ кореловъ есть упрямство, устойчивость въ нравахъ, нелегко поддающаяся чужому вліянію, что также подмѣчено въ поговоркѣ, которою дразнятъ кореловъ: *корела, корела, три года горѣла, а не выгорѣла!* Въ корельскихъ деревняхъ Повѣнецкаго уѣзда донинѣ въ величайшемъ употребленіи обрядъ «*прощенія*». Всякой малѣйшей, какъ и всякой величайшей неудачѣ или немочи тотчасъ же приписывается причина въ кругу согрѣшнѣйшій передъ столомъ, печкой, веретенкомъ, рукомойникомъ, хлѣбомъ и т. п., и потерпѣвшая неудачу тотчасъ спѣшитъ къ тому или другому изъ этихъ предметовъ, низко кланяется и говорить: «*прости меня печенка, рукомойничекъ*» и т. п.

Не удивительно, что вполнѣ правдива о нихъ поговорка, «*въ лѣсахъ живутъ, такъ пню и поклоняются*» (№ 13).

Но самыя важныя и любопытныя данныя встрѣчаются въ Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ относительно сибирскихъ инородцевъ финскаго, самоѣдска-

го и монголо-турскаго происхожденія (№№ 25, 26, 27, 33, 34).

Мы остановимся только на однихъ южныхъ Алтайцахъ и притомъ на однихъ свадебныхъ обрядахъ, полныхъ мѣстной поэзіи.

Сватовство совершается здѣсь такъ:

По прибытіи въ юрту, одинъ изъ сватовъ становится на колѣни предъ отцемъ невесты и говоритъ слѣдующую рѣчь:

„Я пришелъ, преклоняя колѣна предъ порогомъ твоимъ;
„Я пришелъ, кланяясь веревѣ твоей.
„Я пришелъ и радуюсь твоему житію-бытію,
„Я пришелъ головы просить.

«Пусть сватовство будетъ подобно щекамъ не разлучающимся; пусть будетъ оно, какъ желѣзная кольчуга съ воротникомъ не разрывнымъ, пусть будетъ родство между нами, подобно слоямъ бересты; пусть будетъ оно какъ шелковый шовъ.

«Я пришелъ просить черенъ для ножа, у котораго его нѣтъ. Назадъ тому девять лѣтъ война была. Я пришелъ заключить миръ. Какой отвѣтъ дадите?»

Говоря это, свать продолжаетъ стоять на колѣнахъ и держать предъ отцемъ трубку; другой же свать держитъ въ это время зажженный древесный труть, чтобы тотчасъ же зажечь табакъ, если отецъ невесты протянетъ руку къ трубкѣ. Это вѣрный знакъ, что предложеніе принято и сватовство непременно состоится. Въ такомъ случаѣ отецъ невесты, обращаясь къ первому свату, говоритъ:

„Глазъ мой глубокъ и животъ мой широкъ“.

Свать на все въ переговорахъ соглашается и «*трубка мира и согласія*» закуривается. Другіе сваты, стоявшіе доселѣ неподвижно,—тотчасъ проворно начинаютъ подносить большіе кожаные сосуды съ кумысомъ и виномъ. Затѣмъ начинаются пирушки какъ у жениха, такъ и у невесты.

Чрезвычайно любопытны обряды при переѣздѣ невесты къ жениху. Кромѣ благословенія родительскаго въ этомъ случаѣ она напутствуется еще благословеніями семи избранныхъ старцевъ.

Поклонившись въ землю предъ домашнимъ очагомъ, на которомъ въ это время долженъ горѣть огонь, невеста падаетъ въ ноги отцу и матери и говоритъ:

„Очи богатаго Ульгена да видятъ меня!
„Солнце и Луна! Вамъ голова моя!
„Семь старцевъ! благословите меня!

Выходитъ первый старецъ и низводитъ на нее благословеніе свѣта:

„Да коснутся тебя очи Господа Бога! говоритъ онъ.
„Да придетъ на тебя благословеніе стараго человека!
„Спереди тебя пусть мѣсяцъ свѣтитъ,
„Сзади пусть солнце освѣщаетъ!

Затѣмъ выходитъ второй старецъ и низводитъ благословенія на домъ ея:

„На високомъ мѣстѣ поставь домъ твой!
„Плотно утвердися доможителство твое!
„Пусть жилье твое будетъ красиво!
„Каменный таганъ твой пусть будетъ крѣпокъ!
„Огонь твой пусть будетъ неугасимъ!

Третій старецъ призываетъ на нее во всемъ полное довольство:

„Стойбище твое пусть изобилуетъ пепломъ;
„Какъ толокно, пусть будетъ зола у тебя!
„Земля тобою попираемая пусть будетъ тверда!
„Мѣсто жительства твоего пусть будетъ согрѣто!
„Мѣстохождение твое пусть будетъ исполнено веселья.

Четвертый старецъ призываетъ благословенія многолѣтія и многочадія:

„Жизнь твоя пусть будетъ продолжительна;
„Лѣта твои да будутъ безконечны:
„Сто лѣтъ живи и здравствуй.
„Умъ твой пусть будетъ веселъ,
„Мысль твоя да будетъ свѣтла.
„Подобно тальнику, развѣтываясь, разрастайся.
„Какъ многостеблестное просо становись;
„Умножайся больше овцы многоягнотной,
„Множься больше глухари многочаднаго!

Пятый старецъ надѣляетъ благословеніями скоть ея:

На переднія поля твои чтобы дѣти наступали,
„За подоломъ свади пусть скоть гонится;
„Трехлѣтніа кобылы твои пусть жеребятся;
„Четырехлѣтній скоть твой пусть плодится;
„Что только родится, пусть живетъ и плодится!
„На холмистыхъ мѣстахъ паси скоть твою;
„Хотя бы гдѣ и нельзя получать прибыли, получай;
„Хотя бы гдѣ и нельзя изловить звѣря, изловляй!

Шестой старецъ:

„Щекастому не будь предана на злословіе;
„Плечистому будь неодолима!
„Противъ наступающаго на тебя будь крѣпка, какъ желѣзо;
„Съѣденная тобою пища пусть будетъ питательна!
„Хлѣба-соли пусть будетъ у тебя много!
„На бѣгунахъ ѣзди;
„Коня твою да не знаютъ устатка!
„Спина твоя и руки да не болятъ,
„Подминки твои пусть не ноютъ!

Старецъ седьмой:

„Богъ твой да укрѣпитъ тебя!
„Да умножится потомство въ слѣдованіи за тобою:
„Создавъ чадъ твоихъ въ красотѣ наследственной,
„Къ блаженству ихъ пусть еще прибавитъ блаженства!

По окончаніи этого обряда, невѣста отправляется къ жениху; ее сопровождаютъ два молодыхъ человека; у каждаго изъ нихъ въ рукахъ по небольшой березкѣ и къ нимъ прикрѣплена занавѣска: они ѣдутъ

по обѣимъ сторонамъ невѣсты, держа предъ нею занавѣску; въ теченіе пути невѣста не должна видѣть ни дороги, ни новой юрты жениха прежде, чѣмъ войдетъ въ нее.

Прибывъ на мѣсто, она прежде всего кланяется огню, кладетъ въ него кусокъ мяса и кусокъ масла и затѣмъ брызжетъ на огонь брагой въ водѣ жертвоприношенія.

Опуская изъ виду брачные пиры,—остановимъ вниманіе на свадебныхъ Алтайскихъ пѣсняхъ.

1.

Звѣрь, не находя свое дитя,
Въ сокрушеніи дни проводитъ;
Взлѣблянное свое въ люди выдавая,
Отецъ въ слезахъ проводить дни;
Ковель, не находя своего козленка,
Въ томленіи хода, дни проводитъ.
Нѣжное свое въ люди отпуская,
Мать въ слезахъ проводить дни.

2.

Ходилъ я, ходилъ по бѣлому камню;
Трещины въ бѣломъ камнѣ не нашелъ.
Выбиралъ я, выбиралъ по роду;
Ахъ, красивѣе тебя не нашелъ.
Ходилъ я, ходилъ по синему камню,
Щели въ синемъ камнѣ не нашелъ.
Выбиралъ я, выбиралъ изъ многихъ,
Тебя умнѣе не нашелъ.

3.

Гусь мой! Куда ты маешься,
Утомляя мышцы крылъ своихъ?
Сердечный мой! Куда идешь ты,
Обожженное сердце мое обжигая?
Лебедь мой! Куда маешься ты,
Утомляя мышцы вертлюговъ твоихъ?
Утѣха моя! Куда идешь ты,
Опаленное сердце мое опалила?

4.

Когда былъ у меня Баянъ-богатырь, носила я шубу
Канфову съ золотимъ воротникомъ;
Не стала боярина моего, стала я носить,
Какой и рабни не носить—бѣдный кожанъ!
Когда былъ мой бояринъ, ѣла я хлѣбъ,
Китайское просо я ѣла!
Не стало моего боярина, ѣмъ хлѣбъ мой
Какого не ѣдятъ рабы—крупы истолченную.
Баянъ-богатырь былъ статный, красивый собою;
Постель моя съ нимъ была полна утѣхъ;
Кладовыя мои были полны богатствъ.
Лебеди не смѣли сѣсть на его озеро,
Теперь прожорливыя вороны будутъ садиться.
Лиходѣи мои не смѣли подходить близко.
Теперь придутъ и скажутъ: все, что есть, наше!
Гуси не смѣли садиться на его озера;
Теперь нечистыя вороны будутъ садиться;
Люди, близко подойти не смѣвши,
Мнѣ скажутъ: „И ты наша“,
А твой Баянъ-богатырь въ Иртышѣ.